

Наталья Мар

16+

Р = М

Наталья Мар

E=mc

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мар Н.

Е=mc / Н. Мар — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Рассказ.Россия, 1679 год. В губную избу Касимова приезжает новый староста - Егор Алексеев, молодой, бойкий и образованный боярин. Дело, которое он берётся распутывать, тёмное и жутковатое: бесы, бесы в Волглой Слободе!

© Мар Н., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

В оформлении обложки использованы изображения с <https://ru.depositphotos.com/> и <https://www.shutterstock.com/> по стандартной лицензии

– Пан Парамон-пономарь помер!

Терентий услышал, как треснуло перо в пальцах губного старосты. Не отрывая лба от козлиной шкуры, он затараторил дальше:

– Чтоб глаза лопнули, Егор Ефимыч: бесы в Волгллой Слободе! Упырь к телятам лазит, малых ребят ведьма кусает, а ныне литовский кум к сыровару Роките Гогарину на хрестины приехал – и сей час помер! Ну? Прикажи, батюшка, с обыском к ихнему-то помещику! Ну?

– Как – ведьма кусает? – Егор Ефимович взглядом разрешил челобитчику подняться, но тот, зная своё место, остался на полу. – Ты же намерен на этой самой шкуре зудел, дескать, ребятишки в слободе да в соседних деревнях третий год не помирают.

Терентий цикнул щербиной:

– Да, уж третий год, как прихожу без поминок разорение. Вот и помер Парамон! Бесы прибрали. Кривотолки ходят, а впереди ярмарка...

– Ладно, Тренька. Сам поеду, вели седлать.

Черносотенный купец – дородный, но пронырливый Терентий Шпынь – докучал старосте с первого дня, как тот прибыл с назначением в губную избу Касимова. Шёл 1679 год, конец лета. Статный, красивый Егор Ефимович Алексеев, вдвое младше Треньки, хоронился от того, как от пиявки. Он был человек учёный и не верил в бесов. Упыри, телята, небесные сполохи... Над Тренькой потешались и жгли грамотки в печи. Но о смерти пана засудачили, и накануне первого царского смотра Алексеев уступил. Огладил короткую, на заграничный манер, бородку, отсыпал казённых полрубля в дорогу и начистил колёсца карабина. Поехали.

У самой Волгллой Слободы лошадёнка под Терентием сдала. Захрипела, замоталась, запнулась. Как нарочно, над лесом сверкнуло и треснуло.

– Иусе, бесы балуют, – крестясь, бормотал Шпынь и охаживал худым кисетом мыльные бока кобылки. – Видишь, Егор Ефимыч, сосна горелая? Дюже часто в неё зарница бьёт.

– Вижу... Вон трактир, сведи кобылку туда.

И сам уехал вперёд. Издалека виднелось размашистое:

«Трактирь Юмшана Лихого»,

а ниже —

«Пироги, ночлеги, зеленуха. Клоповъ НЕТЪ».

У крыльца босоногая девчонка яростно, будто татар на ратном поле, колотила перину.

– А что за зеленуха такая? – спросил Алексеев.

– Ой, отрава. Подать что ли?

– А подай.

Внутри было душно, пьяно. Тихушничали беглые, ругалась кабацкая теребень, летали сальные карты. Мальчишка окунал ветошь в ведёрко и вытирал закопчённые оконца. Когда взвизгнула дверь, он оглянулся воровато (не хозяин ли), поплевал на тряпицу и с лёгкой душой завожюкал так. Все пять столов были заняты, чему Егор Ефимович скорее обрадовался. Он ослабил кушак и сел с краю. Разговор умолк, мужички откланялись парчовому кафтану.

– А чего притихли-то? – Бойко поддел Егор Ефимович. – Не по службе я, так, проездом. Зеленуху вашу хвалят.

Рослый крестьянин выпучил глаза:

– Бог с тобой, боярин. Идёшь, бывало, после третьей чарки домой, а дорогою – бесы. Вон и мой кум, Пам... парам... Парамон-пономарь от неё помер.

– Да ну?

– Он здесь пил, вот на этой лавке, где ты сидишь. Пригубил чутка, пришёл ко мне и помер.

– Как помер-то?

– Как все помирают, вот бестолковый ты, боярин! А здешнего хозяина меньшей брат – Ивашка Нетунай – так зеленухой упился, что совсем беда. Жуки ему чудятся, весь трактир скипидаром натёр, перины каждый день перетряхивает, – рослый подмигнул, – всё пшей ловит. Боятся их – страсть.

Подошла девка, расставила склянки с зелёной наливкой, кувшин парного молока и туесок мёду. Опрокинули хором. Травянистый пряный запах и горечь несусветная: скорей молока и мёда, пока глаза не вытекли.

– Зачем же вы эту дрянь лопаετε? – Кашлянул Егор Ефимович, вставая.

Не было ответа.

В замусоленное оконце поскрёбся с улицы Терентий, и Алексеев вышел на двор. Темно, прохладно стало. За трактирным тыном шептало море полыни.

– Видал сыровара Гогарина, – зевнул староста. – Ясно всё с твоими бесами, Тренька: видишь – полынь рядками укошена. Из чего братцы зеленуху варят, смекаешь? Хорошо зажили: Ивашка клопов гоняет, Лихой – настойку, а мужички – бесов. Едем назад, в Касимов.

– А пан что же?

– Упился вусмерть, поди. Дело известное.

– А упыри, про которых ребятишки толкуют? – упирался Шпынь. – И бабы говорят, ведьма лазает. Ведь бабы-то не пьют зеленухи.

– Брешут от скуки.

– И телята, небось, брешут? Или их бабы кусают?

Ох, заказан был Егору Ефимовичу в тот вечер путь домой. Наутро поспросить бы помещика, то, сё. Из амбара, держа в черепке оплывшую свечку, вышел длинный с бельмом. Хозяин. Долгая рубаха мела двор, сияли космы с проседью.

– Доносить на меня пойдёшь в разбойный приказ, боярин? – Юмшан Лихой повёл вострым носом.

– Обожди, не решил ещё, – процедил Егор Ефимович. – Без клопов, говоришь, стелете?

– Без! – Оживился хозяин. – Две копейки за ночь, пожалуйста. И отужинать не побрезгуй, государь.

Егор Ефимович пожаловал и не побрезговал. Нарочно решил не строжить Лихого до утра: живым бы уйти. А там уж и в разбойный приказ.

* * *

Клопы не кусали.

* * *

С петухами – ещё до дворовых – спустился к конюшне Егор Ефимович. Серебристо-вороной Чур фыркнул, лизнул ноздри. Привычным движением губ смёл присоленный хлебушек с хозяйской ладони. Тренькина Рябка, по обыкновению ничего доброго от восхода не ожидаючи, переступила с ноги на ногу. И удивилась на своём, на кобыльем: Алексеев сунул и ей лепёшку, кисло-пряную, тёплую из-за пазухи. Теперь и Рябка затрясла гривой, хоть на край света скачи. Но до помещика недалеко оказалось.

Угрим Подсеки-Коровин обнёс двор тыном глухим да высоким, будто правду болтали в слободке: на золоте ест-пьёт, на серебре спит, медью подтирается. Егор Ефимович оставил Терентия за воротами, один вошёл. Глядь – несётся лохматый пёс, страх божий ростом с косолапого. Алексеев и охнуть не успел, только оборонился локтем. Зазвенело...

Цап! Гав-гав-гав!

Кудлатая башка забрехала прямо в ухо. Но не заел кобель. Это цепь звенела по земле: длиной аккурат до тропочки. Так-то встречал гостей Угрим.

Помещик ждал в светёлке за столом. Такой древний был старик, что казалось, и не живут столько-то. Тряслась кривая рука, дымчатые впалые глаза дрожали и туманились. Чахлыми пальцами перебирал он свитки и не то слушал вполуха, не то дремал.

– Слухи ползут, – говорил Егор Ефимович. – Не всё-де гладко у тебя в слободке. Укажешь, где искать, кто разбойник?

Угрим вскинулся:

– Наговаривает на меня купчишка Шпынь. Промотал вотчину, теперь мою землю оттягать хочет. Не дамся и людей своих в обиду не дам! Всё у нас гладко: комар носа не подточит.

– Носа не подточит? Вон под носом-то – мужиков полыньё травят. Скотина хворает. Младенцы искусаны. Так ли?

– Не так.

– Молния в сосну бьёт.

– Не видал.

– И отчего пан Парамон-пономарь помер, не слыхал?

– Не слыхал.

– Так я... донесу царю, что сдаёт Угрим Подсеки-Коровин, – сощурился Алексеев. – Не знает помещик своей слободы.

В бархатных занавесях на окне запуталась муха. Ж-ж-ж, тихо. Ж-ж, чпок. Ж-ж-ж-ж, тихо.

– Крут, боярин. Годков-то тебе сколько буде?

– На Успение двадцать осьмой пойдёт.

– Выкрутился. По батюшке, значит, Ефимов сын. А по матушке?

Зашуршали на столе письма, захрустели свитки, посыпался с печатей сургуч.

– Вот тут: Матушка Ефимья, урождённая Всеволожская. Сын Егорка... крещён в году семь тысяч сто семидесятом... – Гнусавил Угрим и тряс замшелой губой. – Ефимья-то, слыхал, смолоду была красавица писаная, сватался к ней царь Алексей Михайлович, да вдруг отрёкся. Люто горевали оба. И чтоб Ефимья после с кем повенчалась али жила бы с кем – упаси бог... А сынок – да вот же, передо мною. Ветром надуло? Тише, тише, не души ружьишко-то. Слушай дальше: в двадцать лет по указу царя сынок ейный отправлен вместе с отроками боярскими в... как там... «град аглицкий Луд на пять лет, дабы обучаться наукам и ремёслам европейским». О как. Родился Петруша – и Егорку с глаз долой. – Старик привстал, тяжело облокотясь на бумаги. – Уж не байстрюк ли ты покойного царя? А?

– Ты по дряхлости-то не плутай, Угрим! Отвечай, будешь помогать?

– Шиш. Слухи здешние не нравятся? Так может, другой слух пустить? Мол, не по совести выбрали молодца губным старостой, не по справедливости, а токмо по родству с государем. Эвона, как складно, так и до Касимова дойдёт! Нужны тебе кривотолки в разбойном приказе? Убирайся отсель и пса своего забирай, Треньку. Он один тут бес.

Лохматый кобель, провожая Егора Ефимовича до ворот, остался в обиде: гость сам был зол, как пёс, и хитёр. На подходе к кудлатому он ухватил чернавку с бадейкой кипятка. Девка взвизгнула, когда рука Алексеева легла ей на локоток, но проскакала за молодым до калитки. Пёс смутился, проводил бесстыжих грудным раскатистым рыком. Не кинулся: своя чернавка. Да и несподручно гавкать, ещё кипятком обольёт.

– Мне теперь, Терентий, отсюда без разгадки нельзя уйти, – понял Алексеев.

– Живёт здесь бабка одна богомерзкая, Огафья Лыткина, – подсказал Шпынь, потирая руки. – Пропади я пропадом, если она не ведьма.

Отправились пешком, чтоб не на виду. Невдалеке у колодца хлопотала девица. Дул зябкий ветерок, девица накинула телогрею, да из-под кромки выглянул пушистый кончик косы. Ну, точно лисий хвост, пришло на ум Егору Ефимовичу.

– Кто это у колодца, знаешь?

Терентий сморщился:

– Васька Пава. Нелюдимая, бесстыжая. К обедне через раз не ходит.

– Ну, так через раз-то ходит, выходит, – улынулся Алексеев.

– Выходит, ходит...

Тем временем девица взялась за ведёрко.

– Дай, красавица, подсоблю тебе! – крикнул Егор Ефимович.

– А я тебе – что?

– А ты покажешь, где Огафья Лыткина живёт.

Ух, до чего же была она красавица. Алексеев взвалил коромысло.

– Егор.

– Василиса. Только не озорничай, смотри.

– Да как же я созорничаю, Василиса, ведь руки заняты. А не слыхала намеряни, отчего пан Парамон-пономарь помер?

– Должно быть, язык сломал.

Так бы и дёрнул за лисий хвостик. Через три двора нашёлся дом Василисы Павы. У крылечка застыла другая девица: коренастая, в туго замотанном платке и с пасечным дымарём. Василиса поспешно сняла с Егорова плеча коромысло:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.